

РОНАЛЬД ФРЕДЕРИК
ДЕЛДЕРФИЛД

Жены и Любовницы НАПОЛЕОНА

Рональд Делдерфилд

**Жены и любовницы Наполеона.
Исторические портреты**

«Центрполиграф»

УДК 929
ББК 94(44)

Делдерфилд Р. Ф.

Жены и любовницы Наполеона. Исторические портреты /
Р. Ф. Делдерфилд — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5830-7

Прошло уже почти два столетия с тех пор, как тело Наполеона Бонапарта предали земле, но образ его продолжает завораживать каждое новое поколение. Данная книга раскрывает одну из сторон этой удивительной легендарной личности. Наполеон здесь не осуждается и не оправдывается – автор лишь показывает многогранность его натуры. Это рассказ об одиссее, длинном и насыщенном событиями путешествии, проделанном одиноким человеком в поисках идеальной спутницы... В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929
ББК 94(44)

ISBN 978-5-9524-5830-7

© Делдерфилд Р. Ф.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рональд Фредерик Делдерфилд
Жены и любовницы Наполеона.
Исторические портреты

RONALD FREDERIC DELDERFIELD
NAPOLEON In Love

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Муж и любовник

«Плющ опутывает своими усиками и побегами подвернувшееся дерево, в этом, собственно, и заключается вся история любви».

Наполеон записал эту довольно банальную мысль, когда ему было восемнадцать лет. В то время его опыт общения с женщинами ограничивался всего лишь одним свиданием с проституткой и короткой летней идиллией с симпатичной шестнадцатилетней девушкой.

В последующие годы, когда он поднялся до высот огромной личной власти, он пользовался любезностями бесчисленного количества женщин, многие из которых отличались красотой, грацией, очарованием и умом. Ведя интимные беседы о женщинах на острове Святой Елены, он признавал связь с семьей сожительницами, но, похоже, не принимал в расчет своих мимолетных встреч, как не заслуживающих включения в памятный перечень.

Из своего обширного набора он выделит, фактически, только двух жен и примерно дюжину любовниц, исключив двадцать других, чьи имена молва связывала с ним за те четырнадцать лет, когда он находился в центре мировых событий. Таким образом, за двадцатипятилетний период, то есть с момента его первого брака и до смерти в ссылке, он побывал в интимных отношениях по меньшей мере с четырнадцатью женщинами – молодыми, привлекательными и исключительно расположенными угодить ему.

На первый взгляд его любовные победы впечатляют и лишены противовеса в виде любовного Ватерлоо. Можно утверждать, что его успехи на этой ниве равнозначны свершениям на полях сражений или в управлении государством. И все же это не совсем так, потому что выявилась любопытная стерильность его любовных увлечений, и только две такие привязанности в какой-то степени повлияли на развитие его характера. Несмотря на это, он относился к своим любовным увлечениям, к каждой из них, достаточно серьезно в свое время, а некоторый цинизм, проявившийся у него в зрелом возрасте в отношении любовных дел, в последующие годы не повторялся. Его отношение к женщинам оставалось в целом наивным, как у юноши, и часто столь же пылким и нежным. Его часто упоминаемая бесцеремонность в обращении с некоторыми женщинами была лишь чертой характера. В душе же он до смерти оставался романтиком. Слезы женщин, их мольбы пробуждали в нем приливы неистовой нежности и заботливости. Жестокосердые хищницы, охотившиеся за царственной благосклонностью, видели с его стороны проявления неслыханной щедрости, неизменной доброты, внимание и удивительное отсутствие встречных упреков.

О связях Наполеона с женщинами нельзя судить по моральным установкам нынешнего дня. Если же кто-то попытается рассудить таким образом, то неминуемо оценит его как сластолюбивого и похотливого деспота, лишённого всяких форм цивилизованного обращения с женами и подданными. Нельзя также стараться приуменьшить его чувственность на том основании, что это был незаурядный человек, не подпадавший под кодекс поведения менее значимых людей. Он сам изредка претендовал на такое для себя исключение, но лишь когда по детски дурачился, пытаясь оправдаться перед своей супругой. Когда бы ни пытался он отмахнуться от своих недостатков человека, мужа, воина или государственного деятеля, он нес несусветную чушь – как поступает большинство из нас. Его положение в обществе вело к тому, что любое безответственное высказывание тут же бралось на заметку толпой окружавших соглядатаев. Большинство из нас находится в этом плане в более завидном положении. Наше самоуничижительное нытье обычно поднимают на смех и тут же забывают о нем.

Объективности ради следует рассматривать его характер через призму исключительного положения, которое Бонапарт занимал тогда. Он формировался в период небывалых соци-

альных сдвигов в стране, где моральные нормы интимной жизни постоянно попирались ее лидерами. Ни бурбонские аристократы, ни безродные политиканы, сменившие их, не рассматривали замужество женщины как препятствие для поиска наслаждения. В этом взгляды Наполеона ничем не отличались от поведения ближайших предшественников. К тому же его возможности предаваться подобному искушению не знали границ. Если сравнить использование Наполеоном своих возможностей с поведением некоторых его современников, то можно даже признать запросы Бонапарта скромными. Баррас, Талейран, Меттерних, Массена и собственные братья Наполеона – Жозеф и Люсьен – были мужланами с позорной репутацией, распутниками с точки зрения современных этических норм. Некоторые из них содержали одновременно по полудюжине наложниц. Наполеон же обычно одну любовницу заменял другой, часто находясь под впечатлением, что он искренне влюбился.

Удивительная предрасположенность Наполеона к самообману придает особый шарм его любовным похождениям. Это был человек, всю свою зрелую жизнь проживший в зените славы, но, несмотря на это, цепь его нежных связей с женщинами ни в коей мере не свидетельствовала о неразборчивости. Наоборот, в ней была своя динамика, своя последовательность, и хотя отдельные ноты вносили некоторый диссонанс, но в своей сущности сама мелодия отношений не была хаотичной. Ее отличали гармоничность и удивительное постоянство.

Возможно, за всю мировую историю ни об одном человеке не писали столько, сколько о Наполеоне. Его личная жизнь стала предметом бесчисленного количества мемуаров, правдивых и сомнительных, серых и забавных, восторженных и желчно-критических. Почти каждый образованный человек, который приближался к Бонапарту в ту четверть столетия, когда больше всего в мире говорили именно о нем, записывал или давал указания фиксировать его обдуманное соображение, его любовные похождения, его предпочтения, настроения и, превыше всего, сотни его напускных замечаний, произносимых в ходе легкомысленной болтовни при дворе.

Усидчивый историк может потратить всю жизнь, изучая фонтаны его красноречия, но получит лишь скромный набросок характера, ставшего легендарным. Это объясняется не многословием рассказанных о нем историй, а тем, что никто на свете не прожил и десяти лет в таком темпе, которым характерна жизнь Наполеона в течение двух десятилетий.

Невероятно велик круг его интересов. Географически он простирался от Португалии до восточных окраин Московии, от северных европейских широт до Нила и Южной Атлантики. Практически этот круг охватывал почти все сферы человеческой деятельности, начиная от ухода за животными до подрывной деятельности, от республиканского законотворчества до строительства империи.

Трудолюбивый и целеустремленный человек всю жизнь мог корпеть над тем, чего Наполеон часто добивался всего за несколько часов, имея тем большее основание гордиться достигнутым. Он делал выводы скорее интуитивно, нежели в процессе логических построений. За несколько месяцев Бонапарт поднялся от положения человека не у дел до поста диктатора над тридцатью миллионами граждан. Всего за год с небольшим он распространил свою власть на большую часть Европы. Он вошел в историю как солдат, но ремесло солдата было всего лишь производным элементом его фантастической нервной энергии, порождаемой мощными генераторами самоуверенности. В сфере человеческой активности не было и все еще нет подлинно равных ему. Выигравший битвы на шестидесяти полях сражений, он был исключительным администратором выдающегося класса, что обычно не присуще большинству хороших организаторов, умел пробуждать в сердцах миллионов непоколебимую преданность. У миллионов мужчин!

Его гениальность совершенно изменяла ему, когда он обращался к женщинам. Список его достижений в этой области удивительно плачевен. Он был страстным любовником для некоторых из них, покладистым мужем лишь для двоих и щедрым другом и покровителем для

множества женщин. Они платили ему в лучшем случае послушанием и покорностью по примеру викторианских жен, в худшем – черным предательством и бесстыдной неблагодарностью.

Как же такое случилось? Как мог Наполеон вдохновить мужчин идти на смерть, благословляя его имя, а в сердцах женщин не смог пробудить ничего, кроме робкого, своекорыстного чувства любовного влечения?

Один из писавших на эту тему полагает, что все объясняется неспособностью женщины полюбить мужчину, который становится ее полновластным хозяином, что господство такого выдающегося мужчины, как Наполеон, может вызвать благоговейный ужас, страх, даже уважение, но никогда не породит подлинную привязанность.

Эта теория не выдерживает критики по двум причинам. Во-первых, миллионы женщин демонстрировали стойкую привязанность к мужчинам, которые обращались с ними грубо. Во-вторых, Наполеон не держался с женщиной как хозяин, в большинстве случаев он поднимал ее во всех отношениях до того уровня, какого она заслуживала либо как обольстительница, либо как человек. Его письма Жозефине – это послания, которые мог написать страстный юноша милой, неисторченной девушке, а ведь ему хорошо было известно, что она заняла свое место в парижском обществе лишь благодаря распутству. Его настойчивое домогательство и стремительное завоевание польской графини Марии Валевски напоминало ухаживания Наполеона за Жозефиной. «Когда я прижимаю руку к сердцу, ты чувствуешь, что оно горит страстью к тебе», – писал он. Однако Валевска, несмотря на хрупкое очарование и первоначальное сопротивление соблазну, была женщиной практичной и отдалась ему отчасти из политических соображений патриотического характера, это верно, но все-таки главные мотивы были не политические.

Так же дело обстояло со всеми теми женщинами, которые играли важную роль в его жизни. До конца своих дней он сохранил в памяти каждую мелочь идиллических встреч с Каролиной Коломбье в юности, на заре своей карьеры. Она же вспомнила о нем лишь тогда, когда ей понадобилась услуга. Все то время, пока он был властителем Франции, Наполеон с благодарностью вспоминал объятия Паулины Фуре, блондинки, походной подружки во время египетской кампании. Что касается ее, она постоянно приставала к нему, бесконечно требуя материального вознаграждения за их временную связь.

В условиях небывалого нервного и душевного напряжения в 1814 году, во время военной кампании, когда рассыпались в прах и империя, и грезы, он нашел время, чтобы специально завещать условия материального обеспечения своего незаконнорожденного сына, родившегося в результате связи с некоей Элеонорой семью годами раньше. Он проявил такую теплоту и такую терпимость к своей второй жене Марии Луизе, которые показались бы удивительными даже самым закоренелым сельским мужьям. Даже когда она стала сожительствовать с одноглазым соблазнителем, Наполеон никогда не обращался к ней иначе, как со словами любви и уважения.

Пристально изучая его отношения с женщинами – с женщинами любого толка! – невольно приходишь к выводу, что в отношении противоположного пола он так и не возмужал, что мужчина, который простил жене грязное предательство, хотя ему было уже за пятьдесят, мало чем отличался от юноши, лакомившегося вишнями с симпатичной миниатюрной брюнеткой в провинциальном саду тридцать пять лет назад. Может быть, это и наивно, но в то же время приятно.

Отрадно узнать, что человек, который через всю Европу суровой зимой 1812 года, бросив остатки одной своей армии, спешил, чтобы первым оказаться на поле сражения во главе другой, до конца своей бурной жизни сохранил нежность к женской улыбке и волнение при виде женских слез. Ныне же тщетно искать среди мужского персонала городских учреждений таких людей.

Прошло уже почти два столетия с тех пор, как тело Наполеона Бонапарта опустили в его первую могилу в долине Гераней на тропическом острове, где он провел последние шесть лет своей жизни.

За истекшие годы легендарный образ Наполеона расцветал в каждом очередном поколении. Эта книга просто один из аспектов удивительного источника этой легенды. Как человек, он не осуждается в ней и не оправдывается. Здесь приводится обзор его многогранного характера, и аспект этот в какой-то степени довольно жалок.

Это рассказ об одиссее, о пути, проделанном одиноким человеком в поисках идеальной спутницы. Это долгое и насыщенное событиями путешествие, которое заканчивается разочарованием, но разочарованием без примеси горечи.

Глава 2

«Не сомневайтесь в моем желании...»

Утром 20 августа 1804 года курьер доставил утреннюю почту в ставку Наполеона недалеко от Булони. Должно быть, пухлый ранец и его содержимое, если бы почту возможно было восстановить в наши дни, поведали бы нам о многом, чего мы еще пока не знаем, в том числе о планах первого консула вторгнуться в Англию.

Силы и средства для вторжения были уже наготове. Вокруг Булони, ставшей базой, стянули сто девяносто тысяч солдат, подготовленных для высадки на берегах Кента, Сассекса и Хэмпшира.

Офицеры английского флота, патрулировавшие воды пролива, могли наблюдать огромное скопление палаток и слышать звуки команд, когда войска выстраивались для утренних смотров. В гавани, расположенной ниже, покачивалось множество транспортных судов, мало чем отличавшихся от тех, что собрал Гитлер в той же самой гавани сто тридцать шесть лет спустя.

Почту разбирала группа секретарей. Там находились письма от подрядчиков, писульки от чудаков, послания из Парижа от политиков-льстецов, от роялистов, республиканцев и агентов иностранных держав. Одно письмо было из Америки от настырного мистера Фултона с предложением оснастить флот Наполеона паровыми судами. Были там и письма от кадровых офицеров, их жен, от экспертов во всех областях, включая изобретателей надувных шаров, которые безуспешно пытались убедить завоевателя Италии приступить к освоению стратосферы в стратегических целях.

Каждое письмо прочитывалось, отмечалось и откладывалось в сторону. И только одна короткая записка, набросанная изящным женским почерком, задержала внимание Наполеона на несколько мгновений дольше обычного и целиком отключила его мысли от военных хлопот, занимавших его.

В записке содержалась просьба дамы, проживавшей вблизи Лиона, молодой женщины по имени Каролина Брессье. Она спрашивала, нельзя ли помочь ее брату, мсье дю Коломбье.

Фамилия Брессье ни о чем не говорила Первому консулу, но дю Коломбье значил для него очень многое. Это имя настроило его на задумчивый лад, заставило припомнить события двадцатилетней давности, прозрачное летнее утро в Валенсе и прогулку по вишневному саду в компании миловидной девушки, столь же юной, как и он в те дни.

Он пробежал записку глазами дважды. Потом подозвал ближайшего секретаря и продиктовал следующий ответ.

«Мадам!

Ваше письмо стало источником огромного удовольствия для меня.

Память о вашей матери, так же как и о вас самих, никогда не теряла интереса для меня. Я воспользуюсь первой же возможностью, чтобы помочь вашему брату. Я вижу из вашего письма, что вы проживаете неподалеку от Лиона, и думаю, что с вашей стороны не совсем любезно было не давать о себе знать, когда я находился там, ибо я всегда почел бы огромным удовольствием видеть вас. Будьте уверены в моем искреннем желании служить вам.

Наполеон».

В ответ было отправлено письмо, написанное, скорее всего, сельским викарием, в котором содержалось запоздалое приглашение на чай. А через несколько недель все семейство Брессье уже оказалось на широкой дороге к счастью.

Муж Каролины стал президентом избирательной коллегии, чем в гораздо меньшей степени был обязан своим способностям, нежели счастливой удаче – женитьбе на спутнице будущего императора по совместной прогулке в вишневом саду. Брата Каролины сразу же произвели в лейтенанты, а ее самое включили в число фрейлин двора матери Наполеона.

И еще одна деталь, свидетельствовавшая об особой услуге. Имена всех отпрысков аристократического семейства Коломбье были немедленно вычеркнуты из проскрипционных списков преследуемых.

Странно, что эта дама не додумалась написать первому консулу раньше!

Имя Каролины Коломбье сохранилось в истории как самой первой из всех женщин, которых любил Наполеон, и нет абсолютно никаких сомнений в том, что ей действительно выпало счастье стать его первой любовью.

Он не мог не запомнить ее свежести и очарования, эмоций, которые когда-то пробудила в нем, независимо от того, написала бы она ему или нет после двадцатилетней разлуки. Находясь в чудовищной изоляции на острове Святой Елены, когда его триумфы и неудачи остались позади, а сам он ждал медленной смерти от рака, он все равно мог припомнить каждую деталь этого невинного романтического увлечения летнею порою в Валенсе, где Бонапарт начинал свою гарнизонную службу.

Мир чем-то обязан Каролине Коломбье. Музыка, которую она пробудила в сердце шестнадцатилетнего, изголодавшегося по вниманию юноши, никогда не могла умолкнуть насовсем. Несмотря на имперский лепет о гаремах, на склонность Наполеона доводить до слез женщин при его дворе грубыми замечаниями о том, что они толсты или у них красные локти, в целом его отношение к женскому полу смягчалось прелестью этой малоизвестной девушки, которая с нежностью и лаской отнеслась к худенькому, одинокому, неуклюжему юноше, оказавшемуся за сотни миль от дома и друзей. К юноше, который, несмотря на шесть лет пребывания в военном училище, все еще не изжил корсиканского акцента, заставлявшего кадетов из аристократической среды тайком переглядываться с ухмылками самодовольного превосходства.

Каролина принадлежала к семье, которой революция ничего хорошего не сулила.

В 1785 году семейство Коломбье относилось к мелкопоместному дворянству средней руки, выделявшемуся из среды прочих жителей их района. И хотя мамаша весьма внимательно следила за тем, с кем из молодых офицеров гарнизона может общаться Каролина, однако мадам Коломбье не была зашоренной женщиной. Когда ее приятель, аббат из Сен-Руффа, рекомендовал обратить внимание на этого неухоженного юношу, она приняла его в своем доме как равного и не запретила встречаться с ним своей симпатичной дочери.

Но, поступив таким образом, она оказала огромную услугу молодому корсиканцу. Он уже более шести лет прожил вдали от дома и от семьи, недавно закончил военное училище под Парижем и получил патент младшего лейтенанта артиллерии. Ему едва исполнилось шестнадцать лет. Он похудел и побледнел после стольких лет напряженной учебы и не мог похвастать хотя бы малейшим влиянием любого рода. Его единственный доход сводился к жалкому армейскому довольствию, и надо было обладать особой проницательностью, чтобы разглядеть в его перспективах нечто большее, чем тусклое и почти безнадежное прозябание.

Продвижение по службе в королевской армии проходило медленно и мало зависело от личных достоинств офицера. К двадцати пяти годам он мог стать лейтенантом. К тридцати, если бы ему повезло и он приобрел бы боевые шрамы и хороший послужной список, – капитаном. Он не был перспективным ухажером в глазах матери, которая присматривала для дочери выгодную партию. Несмотря на все это, вчерашнего кадета приняли приветливо и впоследствии он не забыл доброты, проявленной к нему; тем более не забыл он каштановых локонов Каролины, ее грациозную фигурку и чистый цвет лица юной пейзажки.

Эта любовная история неискнушенных молодых людей продолжалась все лето 1786 года.

«Не было более невинных людей, чем мы, – писал Наполеон на Святой Елене. – Мы часто прибегали к тому, что договаривались о планах. В частности, я помню об одной нашей договоренности. Мы встретились ранним утром в середине лета. Можно не верить этому, но наша затея сводилась лишь к тому, чтобы вместе покушать вишен».

Несмотря на то что впоследствии он приобрел репутацию человека любвеобильного, утверждение о невинности отношений подтвердил двадцать лет спустя человек, который встречал их тогда вместе.

Вроде бы в то время уже поговаривали о свадьбе, но все планы разрушили первые революционные грозы, прокатившиеся над Лионом. Полк, в котором служил Наполеон, спешно перебросили в город для подавления забастовки лионских ткачей.

Троих рабочих повесили, а остальных силой загнали в цеха. Тогда Бонапарт впервые познал, что значит насилие толпы, и в состоянии возбуждения от происходящего он даже забыл застенчивую улыбку Каролины. Когда с беспорядками было покончено и полк двинулся в Дуэ, он впервые получил краткосрочное увольнение и отправился на родную Корсику, где не бывал почти семь лет.

Пройдет почти два десятилетия, прежде чем он снова увидит Каролину.

Их новая встреча стала прямым результатом письма, полученного в лагере под Булонью. Девушка вполне могла быть милой и невинной в шестнадцать лет, но в тридцатипятилетнем возрасте Каролина научилась понимать намеки. Упрек Наполеона относительно ее долгого молчания и, возможно, лестная поспешность ответа на ее письмо побудили женщину написать ему снова и «поинтересоваться его здоровьем». Он вновь ответил ей быстро, и в апреле 1806 года, вскоре после того, как Бонапарт провозгласил себя императором республики, она оказалась среди первых лиц, приветствовавших его, когда он проезжал через Лион к месту своей коронации в Милане.

Мадам Жюно, одна из наиболее забавных и неутомимых авторов дневников периода Первой империи, видела ее в то время и запечатлела на бумаге свои наблюдения. Похоже, что острый интерес императора к своей первой любви стал к тому времени широко известен, и мадам Жюно, от которой редко ускользали смачные проделки, не сводила с Каролины зоркого, умудренного жизнью взгляда.

Позже мадам Жюно записала: «...Она показалась мне умной, приятной, мягкой и любезной, не то чтобы красивой, но с элегантною, приятной фигурой. Я вполне допускаю, что сбор вишни вместе с нею должен был доставить удовольствие без неуместных мыслей!»

А затем, после этого несколько завуалированного замечания, следует обобщение прирожденного репортера: «Она следила за каждым его движением, не отрывая от него внимательного взгляда, который, казалось, исходил из глубины ее души».

Ну, такое вполне могло быть, ведь речь шла о наиболее важном человеке на всем свете, о котором говорила вся Европа, о завоевателе Европы, повелителе королей, который только что сам короновался после оглушительного триумфа под Аустерлицем над объединенными армиями Австрии и России. И за этого человека она могла выйти замуж! Просто ей или ее матери не хватило немного веры и дальновидности: послать бы несколько нежных писем после его поспешного отъезда из Валенсы, бросить взгляд понежнее, подарить поцелуй, а то и два под вишнями, когда в то летнее утро поднималось солнце! И тогда бы именно она, а не вдова Богарне набрала бы в долг одежды и драгоценностей в Париже на миллион двести тысяч франков!

Было интересно бы узнать, что сказала Каролина своему мужу, когда возвратилась в свой провинциальный дом в окрестностях Лиона в тот вечер. Еще более интригующе было бы узнать, поддался ли месть Брессье чувству ревности или же, как здравомыслящий человек, он с удовлетворением поздравил себя с перспективой бесконечных подачек, которые поплывут теперь к ним в благодарность за первую любовь его жены.

Отмечено, что Наполеона неприятно удивило воздействие времени на лицо и фигуру бедной мадам Брессье. Как и все мужчины в подобных обстоятельствах, он совершенно не допускал мысли об аналогичном воздействии времени на него самого, считая себя таким же молодым, живым и энергичным. И потому с некоторыми сомнениями отмечал странную трансформацию внешнего облика женщины, целующей ему руку.

Другие знаменитые мужчины тоже испытали похожие неприятные ощущения. Наполеону можно лишь поставить в заслугу, что разочарование не помешало ему сохранить интерес к семье Брессье. Через четыре года после знаменательной встречи муж Каролины получил титул барона империи, но ни мадам Брессье, ни сам император не делали попыток дать развитие своей новой встрече. Возможно, брак ее оказался счастливым, или, быть может, он предпочел оставить девушку в райских кущах своей юности.

Глава 3

«А что мы будем там делать?»

Наполеон «эмансипировался», как он сам мог бы сказать об этом, в ноябре 1787 года, и благодаря удаче мы располагаем отчетом об этом происшествии (или о встрече, которая привела к этому), написанном его собственной рукой.

Как многие молодые люди с воображением, особенно обладающие повышенной степенью честолюбия, он относился к числу горячих сторонников ведения дневника вплоть до тех пор, пока объем работы позволял ему это делать.

Его личные описания событий собственной юности отличаются живостью и ясностью. Большое одиночество и крайняя нищета в юные годы поощряли его не жалеть времени, чтобы изливать душу на бумаге. Именно в этот период он испытал свои силы в написании романа.

Стараясь найти «местный колорит» для задуманного повествования, он вступил в краткую связь с проституткой в районе Пале-Руайяль, в те времена парижского эквивалента лондонской Пикадилли.

Он продемонстрировал нормальное юношеское любопытство в отношении этого типа женщин, проявляя склонность к завуалированно-напыщенным отношениям.

К счастью, проститутки привыкли к такому подходу, особенно когда речь идет о неопытных юнцах, и часто подыгрывают им, в насмешливом духе рассказывая невеселые истории. Ничем не отличалась и та конкретная проститутка, посему описание молодым лейтенантом беседы исполнено непреднамеренного юмора.

Наполеон приехал в Париж в октябре и остановился в отеле «Шербур», на улице Сен-Оноре. Он уже год прожил в окрестностях Парижа, но за все это время у него почти не было возможности осмотреть город. К тому же он был практически еще ребенком.

Но в данном случае Бонапарт больше походил на мужчину, который приехал в небольшой город. Он съездил для переговоров в Версаль, а вечером 22 ноября, когда жутко холодный ветер свистел по улицам города, он заглянул в итальянскую оперу и был так захвачен исполнением, что не обратил внимания на суровость погоды. До тех пор, пока, по его собственному выражению, «мое воображение не охладилось».

Легко одетый и худой, он стал искать убежища среди колоннад Пале-Руайяля и нос к носу столкнулся с молодой уличной женщиной. Его сразу поразила ее молодость и поощрила «ее застенчивость».

Если бы она была наглой и стала бы весело приставать к нему, он предпочел бы обменять относительное укрытие в сводчатых галереях на продуваемую ветрами улицу и со всех ног броситься бежать домой.

Однако эта женщина была готова удовлетворить его не только в одном отношении. Но из всех возможных тем поговорили они только о погоде! Потом девушка заметила, что, несмотря на погоду, она должна закончить свою вечернюю обязанность и что «холод освежает ее».

После этого Наполеон пустился в нравоучения, указав на ее болезненный вид и порочность ее занятия. Ее готовность обсуждать свою профессию восхитила его, и они в такт зашагали вдоль колоннады.

Она рассказала ему, что приехала из Нанта, что в Бретани, и почти с невероятной банальностью поведала ему о своем падении. Бессердечный соблазнитель (разумеется, армейский офицер), его последующий уход, гнев матери и последовавшее за этим ее постыдное бегство из дома. Второй соблазнитель, а потом третий, с которым она прожила три года. Можно живо представить себе офицера-покровителя, подкручивающего свои усы, и девушку, которая ждет его в нетопленной мансарде, чтобы оформить бракосочетание, до чего дело так и не дошло.

Закончив свою исповедь, девушка быстро перешла к делу и предложила Наполеону взять ее с собою в отель.

Тут Наполеон произнес слова, которые едва ли можно простить восемнадцатилетнему юноше, решившему заняться своей «эмансипацией». Он вкрадчиво спросил: «А что мы будем там делать?»

Девушка, должно быть, оказалась новичком в этом занятии. Вместо того чтобы прямо объяснить ему, она двусмысленно заметила, что «им надо согреться». Этим они и занялись, хотя как именно, можно лишь догадываться, так как в этом месте скромность Наполеона заставила его поставить в строке многоточие.

Однако он поступил честно и добавил в описание этого случая заключительный абзац, в котором мы находим небольшое проявление его чувства юмора. Он пишет: «Я повел ее с собою в отель, чтобы она не смогла уклониться, когда подготовленная мною аргументация начнет давить на нее, в то же время мне не свойственно притворяться, если уж я решил продемонстрировать ей твердость!»

Они отправились в гостиницу «Шербур», и нет сомнений в том, что там вся эта история завершилась так, как и была задумана. Можно также быть уверенным в том, что он впервые совершил половой акт. Однако это не привело к целой серии других встреч с женщинами из Пале-Руайяль, потому что почти сразу же Наполеон уехал из Парижа, чтобы провести свой продленный отпуск на родной Корсике. По возвращении его направили в Оксонн.

Вскоре после этого Париж забурлил, и из его трущоб хлынули толпы, захватившие Бастилию. Разгул толпы парализовал власти в столице, что постепенно привело к анархии 1792 года, к гибели королевской семьи и, в конечном итоге, к террору Дантона и Робеспьера.

В записях Наполеона этого периода больше нет воспоминаний о женщинах. Наполеона чересчур захлестнуло происходящее, его захлестнуло стремление подняться по лестнице успеха. Когда он вновь смог задуматься о женщинах, он сделал это с позиций последовательного и уважаемого молодого человека, которому нужна надежная и верная жена, способная обеспечить супругу счастливый дом и уютный семейный очаг. За идиллией в вишневом саду и происшествием в Пале-Руайяль последовало теперь необычайно страстное желание приобрести домашний очаг.

Глава 4

«А счастлив ли сей плут?»

Эта перемена настроения и пример недавно женившегося брата почти подтолкнули Наполеона к семейной жизни в возрасте двадцати четырех лет.

В июне 1793 года, когда революция находилась в разгаре, а гильотины в Париже и других местах уносили ежедневно до восьмидесяти жертв, обнищавшая семья Бонапарт высадилась в Марселе, не имея никакого имущества, кроме надетой на них одежды. Да и одежда оставляла желать много лучшего. Семья активно втянулась во внутреннюю борьбу на Корсике, поддерживала проигрывающую сторону и едва спаслась. Отец Бонапарт уже умер, а бежавшие – всего семь человек – оказались в отчаянном положении. Вся их собственность на Корсике пропала, они остались без средств к существованию и почти без друзей в стране, на всех границах охваченной террором и войной.

Жаль, что поблизости не оказалось никого, кто смог бы предсказать измученной матери этого семейства их лучезарное будущее. Из семерых сыновей, выстроившихся тем летом в Марселе в очереди за муниципальным хлебом, шестерым суждено было в предстоящие пятнадцать лет занять королевские троны! А трех девочек – Элизу, Полину и Каролину – ждали блестящие браки.

Однако Летиция Бонапарт была женщиной слишком здравомыслящей, чтобы гадать на кофейной гуще. Она немедленно занялась налаживанием семейной жизни, в чем умело помогал ее второй сын, капитан Наполеон Бонапарт, единственный член этого семейства, достигший самостоятельности.

Наполеон взял к себе младшего брата – Луи, поселив его в своей квартире, а кроме того, принял на себя ответственность за образование этого ребенка. Это стоило ему примерно восьмидесяти четырех долларов в год, что весьма положительно характеризует Наполеона как сына и как брата.

Более года Бонапарты относили к числу бедняков, обнищавших из-за революции. Потом совершенно неожиданно их положение стало улучшаться. Старший сын Жозеф получил работу в военном продовольственном магазине, а Наполеон взмыл к вершинам известности, его ум и порыв начисто вымел из Тулона роялистов и англичан. За этим тут же последовало быстрое продвижение по службе, и он сразу смог помогать обнищавшей семье.

Брат Жозеф успел уже помочь себе сам. Он приударил за старшей дочерью торговца мылом из Марселя, которого звали Клари, и покорила сердце девушки. Вместе с супругой Жюли он получил приданое, равное почти семнадцати тысячам, в пересчете на доллары. По тогдашним временам – сумма огромная.

Для беженцев, которые всего год назад питались в муниципальных кухнях Марселя, такое приданое могло показаться ключом к рудникам царя Соломона, и, возможно, перспектива заполучения аналогичной суммы подтолкнула Наполеона к тому, чтобы подыскать и себе невесту в семье Клари.

Жена Жозефа отличалась добротой характера, но страдала от прыщей, и ее никак нельзя было сравнить с младшей сестрой – Дезире, которой в ту пору исполнилось шестнадцать лет.

О Дезире часто говорили как «о легкомысленной кокетке» и «совершенной пустышке». Ее портрет позволяет согласиться и с менее благосклонной оценкой, потому что, хотя она и обладала некоторым мрачным очарованием, в выражении ее лица отсутствует живость. Мадам Жюно, очень хорошо знавшая ее, говорила, что у нее бесцветный характер и, «хотя она и была безобидной, она в то же время не обладала ни малейшей привлекательностью». Но как показали события, для Наполеона знакомство с ней оказалось отнюдь не безобидным. В конечном

итоге, выйдя замуж за самого заклятого из его врагов, она не простила ему того, что он не проявил большей настойчивости в ухаживании за ней.

Перспективы Наполеона в этот период все еще оставались неясными, несмотря на успех в Тулоне. Он отличился в битве и поднялся до ранга командира бригады, но волна террора спадала. Робеспьер был мертв, и личная дружба Бонапарта с братом тирана превратилась в препятствие для дальнейшего продвижения при сменившей Робеспьера ущербной банде прожженных интриганов вроде Барраса и нерешительных плутов типа Тальена.

Сам Бонапарт невысоко оценивал свои шансы и был склонен скорее заботиться о собственной безопасности. Он бросал завистливые взгляды на семейное счастье Жозефа. «Какой счастливчик этот плут Жозеф», – писал он. Мы узнаем, что в определенный период, предшествующий его следующему взлету, он писал Жозефу и уговаривал брата похлопотать за него перед Дезире.

В июне 1795 года он все еще докучал своему брату по поводу Дезире. Но то ли потому, что вторая дочь торговца мылом действительно оказалась кокеткой, то ли затянувшееся отсутствие Наполеона, но что-то помешало дальнейшему развитию романа.

Из Италии Бонапарт писал Жозефу, что Дезире попросила его прислать свой портрет, и он заказал для нее такой портрет. Наполеон добавляет: «Можешь отдать этот портрет ей, если она того пожелает, или оставь его у себя».

Вскоре после этого он горько сетует на то, что не получил от Дезире никаких известий, и позже все еще донимает своего брата просьбами объяснить причину ее молчания. Несчастный Жозеф не знал, как поступить с предполагаемым сватовством. Говорят, что семейство Клари выступало против этого и что отец Дезире, когда его прощупывали насчет подобной перспективы, фыркнул: «Нет, нет! В семье довольно и одного Бонапарта!»

Жозеф, которого, несомненно, задело такое замечание, отрицал, что оно вообще произносилось, отмечая, что его тесть за год до мнимого высказывания уже скончался. Но очевидно, что семейство Клари к ухаживаниям Наполеона относилось без особого энтузиазма. С какой стати они должны были поступать иначе? Жозеф оказался не особенно престижным приобретением. Уже вскоре он занялся одной из форм непристойного поведения, соответствовавшей его деревенской натуре, – стал волочиться за смазливymi бабенками. Это был грузный, тупой, неумелый парень, обреченный на то, чтобы все последующие двадцать лет им помыкал его ужасный братец. И только когда Наполеона надежно запрятали на острове Святой Елены, Жозеф набрался смелости называть вещи своими именами. Пачки наполеоновских писем о Дезире, должно быть, причинили ему такие же мучительные страдания, как и принудительное пребывание на тронах, которые он занимал при императоре.

Он поступил так, как свойственно многим людям в подобных обстоятельствах – не шевельнул и пальцем. Несмотря на это, Наполеон еще в одном письме к своему жалкому брату выражает негодование по поводу неспособности Жозефа помочь ему добиться решения. «Я получил письмо от Дезире, которое, кажется, написано столетия назад, – замечает он и раздраженно добавляет: – Ты ни словом не обмолвился о нем!»

Читая между строк этого письма и судя по дальнейшему поведению Дезире, можно с определенностью сказать, что Наполеон невиновен в том, что отказался от этой молодой дамы. На самом деле случилось так, что летом 1795 года она одновременно соглашалась и отвергала его и не очень старалась преодолеть сопротивление своей семьи этому альянсу.

Потом, когда Наполеон неожиданно приобрел большую известность, сумев спасти членов Директории, окруженных в Париже толпой, она (а также, вполне вероятно, ее мать) горько сожалела о своих сомнениях, но было уже слишком поздно. Наполеон не только отчаянно влюбился в утонченную женщину, но и достиг такого уровня в своей карьере, когда выбор жены приобрел для него особую важность.

Дезире была провинциалкой. Игривая и неопытная, она к тому же говорила с сильным марсельским акцентом. Из нее не вышла бы такая партнерша, которая могла бы оказать большую поддержку человеку, мужество и быстрота действий которого только что спасли правительство и который теперь определенно далеко продвинется в иерархии республиканской армии. Правда, он все еще оставался бессребреником, и приданое от семьи Клари, если бы ему удалось получить его, было бы как нельзя кстати. Однако в тот конкретный момент больше, чем деньги, ему нужен был кто-то с положением во влиятельных кругах, кто-то известный в высших сферах, человек, который повлиял бы на его парижское начальство и помог получить важный командный пост.

Жозефина Богарне, вдова жертвы гильотины, идеально подходила для такой роли. Прежде она была любовницей Барраса, в то время наиболее влиятельного человека во Франции.

А что случилось с той девушкой, Дезире, запоздалость которой в любви лишила ее столь великих предначертаний, но, как обернулось на практике, не затронуло ее способности породить наследственную цепочку принцев?

Наполеон не забыл о ней и относился с терпеливостью и щедростью, которые берег для каждой женщины, затронувшей его сердце.

В 1797 году, когда весь мир сотрясали его невероятные успехи в новом стиле военного искусства, когда он стал любимцем Франции и светлой надеждой республиканского движения повсюду, он вспомнил, что она все еще не замужем, и направил к ней красивого молодого воина, генерала Дюфо, с теплым рекомендательным письмом.

«Дюфо, – говорилось в письме, – выдающийся офицер, человек исключительного характера», а дальше он продемонстрировал образец своего умения сватать, чем любил заниматься: «Брак с ним был бы очень выгоден!»

На деле доказать это не удалось, потому что, хотя Дезире и поняла намек и поторопилась как-то компенсировать свой просчет, согласившись обручиться с послушным Дюфо, однако несчастного храбреца изрубили на куски во время народного восстания в Риме в том же 1797 году.

Потеря двух возможных столь блистательных мужей в течение почти двух лет причинила недалеко Дезире такое большое горе, что она со слезами отвергла целую вереницу предложений о сватовстве. И это сказалось на ней отнюдь не плохо, потому что в конечном итоге она остановила свой выбор на генерале Бернадоте, который в то время был наиболее чванливым соперником Наполеона.

Так было лучше для них обоих. Наполеон всегда сохранял теплые к ней чувства, и потому его слегка мучили угрызения совести, так как любовь к ней быстро остыла после его встречи с Жозефиной. Он покровительствовал Дезире и ее мужу вплоть до того момента, когда Бернадот принял предложение шведов стать наследником трона их бездетного короля.

Дезире очень умно использовала свое влияние на первого консула. Поторопилась встретиться с Наполеоном по его возвращении из Египта. Он стал крестным ее сына Оскара. Он и сам мог бы прийти в восторг от такого сына. Наполеон повысил Бернадота до звания маршала, а позже присвоил ему титул принца. Он предоставил им все, чего они желали, и ради жены Бернадота простил ему все интриги и провалы на полях сражений.

Несмотря на все это, ни сама Дезире, ни ее презренный муж никогда не простили императора. Она – потому что тот не женился на ней, а он – потому что оставался должником Наполеона весь период его императорского правления.

Теплые чувства Наполеона к ним подвергались большим испытаниям, и порой небольшие язычки пламени любви к ним, которые продолжали гореть в его сердце, совершенно угасали под действием холодного душа неблагоприятных поступков Бернадота, его высокомерия, некомпетентности и, больше всего, отвратительной неблагодарности последнего.

В 1813 году, когда на империю начали ложиться тени, этот человек, всем обязанный Великой армии и ее кормчему, направил своих шведов в лагерь союзников, которые и так превосходили французские войска в соотношении три к одному. Приятно отметить, что его старые товарищи по оружию никогда не забыли этого его предательства и он не получил награды, о которой мечтал, – освободившегося трона Наполеона. Они вместе с женой неохотно покинули Париж, занятый русскими казаками и уланами, и отправились в свою северную столицу, где и скончались спокойно в своих удобных постелях.

Желающие могли бы покопаться в истории, чтобы отыскать нечто подобное такой низости.

Глава 5

Всепоглощающее дело жизни

В мае 1795 года, спустя восемь лет после своего пребывания в гостинице «Шербур» в бытность бравым лейтенантом, Наполеон Бонапарт вновь шагнул по улицам Парижа, на сей раз как brave генерал.

Он находил, что за эти годы город сильно изменился. В 1787 году Париж кишел умирающими с голоду идеалистами, а в 1795 году его заполнили умирающие с голоду оппортунисты. Риторика и возвышенные сантименты все еще эхом отдавались в клубах и кафе. Мужчины и женщины, которые выбили пыль из европейских династий, продолжали обращаться друг к другу со словами «гражданин» и «гражданка», а также думать об обществе с позиций свободы, равенства и братства. Вместе с тем их внешний вид претерпел большие и глубокие изменения с тех пор, как пала Бастилия. Огромное их большинство теперь волновали не столько доктрины прав человека, сколько будничная экономика нормального трехразового питания и шансы проглотить эту пищу по возможности комфортно.

Каждый, начиная от уцелевших после репрессий людей Конвента до последних копьеносцев из лачуг Сен-Антуана, до отвала насытился революцией. Всем до тошноты надоели патриотические речи, хлебные бунты и узаконенное убийство. Политиканы мечтали только о передышке, чтобы закрепиться на доходных постах. А народ жаждал только хлеба, возможности вернуться к работе и правительства, которое было бы достаточно стабильным, чтобы закрепить два несомненных завоевания революции – разрыв феодальных пут и открытие возможностей для талантливой и честлюбивой молодежи.

Париж проголосовал бы даже за возвращение Бурбонов, лишь бы эти исключительно глупые изгнанники имели достаточно здравого смысла, чтоб гарантировать выполнение таких простых требований.

Наполеон изменился тоже. Быстрое продвижение по службе после того, как он внес свою лепту во взятие Тулона, подогрело его аппетит к власти. Он захотел как-то реализовать свою карьеру и установить разумное руководство над глупцами, негодяями и перестраховщиками, заседавшими на постах исполнительной власти в столице. Повсюду вокруг него стоял хаос, Наполеон же ненавидел хаос. Вот почему он наотрез отказался возглавить армию на западе страны и увязнуть в братоубийственной войне против крестьян Вандеи, сохранивших верность казненному королю.

Война на западе стала кладбищем воинских репутаций. Хотя верно и то, что генералов, проваливших дело в этих районах, больше не посылали автоматически на гильотину. После завершающего потрясения термидора в июле предыдущего года у парижан появилось глубокое отвращение к гильотине. Однако все равно в гражданской войне никто не добился славы, и Наполеон, которому скоро должно было исполниться двадцать шесть лет, предпочел окопаться в столице, пока не определит точное направление очередного прыжка.

Решение было не столь уж легким и не столь безобидным, как кажется. Прыжки в то время многие совершали во всех направлениях, и никто не знал, на что можно напороться.

Две наблюдательные женщины оставили нам письменные зарисовки Наполеона, каким он предстал перед прохожими в этот момент его жизни, и оба наброска получились удивительно схожими.

«Это было самое худощавое, исключительное в своем роде существо из всех, с кем я встречалась», – пишет одна из них и продолжает описывать, как свисали его тонкие волосы, касавшиеся плеч, «подобно отвислым ушам гончей». Эта картина отнюдь не создавала впечатления мрачного гения, что стало предметом сомнений, возникающих у дамы, столкнувшейся

ночью на окраине леса с темной личностью! Его шинель была протерта, а выглядел он внешне измученным и неопрятным. Несмотря на это, на обеих дам сильное впечатление произвело «необыкновенное свечение в выражении его лица», «мягкие линии его рта» и его «необыкновенная покоряющая улыбка».

В течение всей его жизни люди всегда замечали эту улыбку. Приближалось время, когда Европа станет ждать ее появления с таким же нетерпением, с каким дети ждут весеннего солнца.

Было в нем и кое-что еще, что заметили эти дамы. Он совсем не надевал перчаток, хотя щеголи уже начали ходить с напыщенным видом и патриотические клочки материи, символизирующие поддержку революции, стали выходить из моды. Но все дело в том, что он не мог позволить себе приобрести перчаток, как и хороших ботинок, поэтому он делал вид, что презирает высококачественную одежду, которая недостойна солдата и мужчины.

Несмотря на лихорадочную веселость и почти истерическое увлечение парижан удовольствиями и вседозволенностью, Париж все равно произвел на Наполеона большое впечатление, особенно женщины, молодые, красивые, утонченные женщины, подобные мадам Тальен, повсеместно известной как «наша дама Термидора» из-за романтической роли, которую она сыграла в прекращении террора и освобождении заключенных.

«Только здесь, – писал Бонапарт, – среди всех других мест на свете женщина может помышлять о власти. В Париже женщине требуется всего полгода, чтобы узнать, что ей полагается и какой в действительности может быть ее империя! Здесь женщины прекраснее, чем где бы то ни было еще в мире. Они – всепоглощающее дело жизни в Париже!»

И это было действительно так. «Наша дама Термидора» держала себя по-королевски среди депутатов, спекулянтов и банкиров в своем псевдосельском доме на Курс-ла-Рен. Именно она после террора ввела новые модели из прозрачного миткаля, которые носили по-гречески, когда женщина обнажалась больше, чем при любых других фасонах после фигового листка. Она была в самом расцвете, в возрасте двадцати одного года, и обладала безмятежной красотой, заставлявшей стойких мужчин, подобных банкиру Уврару, ползать у ее ног. Это она командовала мужчинами на спектакле «Прекрасные», с их фантастическими шляпами, чудовищно поднятыми галстуками и полосатыми панталонами. Именно Тереза Кабаррус, теперь гражданка Тальен, царствовала в салоне Барраса, главного наследника Робеспьера, потому что ее игра в «Ангеле милосердия» покорила воображение всего Парижа. Ликующая толпа приветствовала ее повсюду, где бы она ни появлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.